

УДК 902

doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-2

К вопросу о служилых татарах-мишарях в Зауралье

Д. Ш. Муфтахутдинова

Российский исламский институт, Казань, Республика Татарстан, Россия

dilaratatar@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследования обусловлена тем, что во время переписи населения в Башкирии есть тенденция переписывать татарское население Северо-Западных регионов республики Башкортостан в башкир, апеллируя к документам XVIII–XIX вв., где население данных областей могло называться башкирами, но не в этническом, а в сословном значении. Исследование направлено на обобщение информации о деятельности татар-мишарей в Зауралье, об их роли в подавлении башкирских восстаний первой половины XVIII в. и инкорпорации служилых мишарей в административные органы Оренбургской пограничной комиссии. *Материалы и методы.* Применялся проблемно-хронологический подход, который позволил проанализировать различные аспекты социальной политики Российской империи в динамике социально-политических изменений, произошедших в конце XVII – первой половине XVIII в. в Волго-Уральском регионе, а также историко-генетический метод, позволивший рассмотреть исторические факты и раскрыть причины и факторы, влиявшие на социальное развитие татар-мишарей в Волго-Уральском регионе. Теоретико-методологической основой исследования стали концептуальные положения научных исследований в области изучения этно-конфессиональной политики Российского государства на национальных окраинах империи. *Результаты.* На основе изученных законодательных источников и литературы раскрыт процесс инкорпорации татар-мишарей в российскую государственную службу в качестве военно-служилого сословия, в частности в качестве казаков, ахунгов в башкирские даруги, полковые муллы в башкиро-мещерякское войско, а также в администрацию Оренбургской пограничной комиссии в качестве переводчиков, толмачей, конфиден-тов. *Выводы.* Роль служилых татар из числа мишарей многофункциональна. С одной стороны, они выполняли военно-полицейскую функцию. С другой стороны, толмачи, переводчики, письмоводители из числа татар-мишарей сыграли огромную положительную роль в управлении и изучении Востока, способствуя тем самым безболезненной интеграции казахской степи в общероссийское пространство.

Ключевые слова: татары-мишари, казаки, переводчики, толмачи, конфиден-ты

Для цитирования: Муфтахутдинова Д. Ш. К вопросу о служилых татарах-мишарях в Зауралье // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 20–32. doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-2

On the issue of the servise Tatars-Mishars in the Trans-Urals

D.Sh. Muftakhutdinova

Russian Islamic Institute, Kazan, Republic of Tatrstan, Russia

dilaratatar@mail.ru

Abstract. *Backgrounds.* The relevance of the study is due to the fact that during the population census in Bashkiria there is a tendency to rewrite the Tatar population of the North-Western regions of the Republic of Bashkortostan as Bashkirs, appealing to documents of the 18th–19th centuries, where the population of these regions could be called Bashkirs, but not in an ethnic, but in a class sense. The study aims to generalize information about the activities of the Mishar Tatars in the Trans-Urals, their role in suppressing the Bashkir uprisings of the first half of the 18th century and the incorporation of Mishar servicemen into the administrative bodies of the Orenburg Border Commission. *Materials and methods.* A problem-chronological approach was used, which made it possible to analyze various aspects of the social policy of the Russian Empire in the dynamics of socio-political changes that occurred in the late 17th – first half of the 18th century in the Volga-Ural region, as well as a historical-genetic method, which made it possible to examine historical facts and reveal the causes and factors that influenced the social development of the Mishar Tatars in the Volga-Ural region. The theoretical and methodological basis of the study was the conceptual provisions of scientific research in the field of studying the ethno-confessional policy of the Russian state on the national outskirts of the empire. *Results.* Based on the studied legislative sources and literature, the process of incorporation of the Mishar Tatars into the Russian state service as a military service class is revealed, in particular as Cossacks, akhuns in the Bashkir darugs, regimental mullahs in the Bashkir-Meshcheryak army, as well as in the administration of the Orenburg Border Commission as translators, interpreters, and confidants. *Conclusions.* The role of the service Tatars from among the Mishars is multifunctional. On the one hand, they performed military and police functions. On the other hand, interpreters, translators, and clerks from among the Mishar tatars played a huge positive role in the management and study of the East, thereby contributing to the painless integration of the Kazakh steppe into the all-Russian space.

Keywords: Tatars-Mishars, Cossacks, translators, interpreters, confidants

For citation: Muftakhudinova D.Sh. On the issue of the service Tatars-Mishars in the Trans-Urals. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2025;(2):20–32. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-2-2

Введение

Актуальность исследования этносословной группы служилых татар-мишарей на территории Западного Приуралья обусловлена слабой проработанностью данной темы в научном плане. Востребованность данного рода исследований в современном социально-политическом аспекте обусловлена стремлением дать объективную картину социально-политическим процессам в XVIII – первой половине XIX в. в Западном Приуралье, для того чтобы противостоять попытками башкирских политтехнологов записать населения данного региона во время переписей башкирами.

Как известно, субэтническая группа татар-мишарей сформировалась в Волго-Окском междуречье. Границы Мещеры на севере проходили по правобережью Волги, на востоке – по правобережью Суры, на юге граничили с северо-западными районами Пензенской области, на западе очерчивались левобережьем р. Оки [1, с. 7]. Данная историко-географическая область определяется историками как территория, где начались социальные процессы по формированию групп служилых татар [2].

Процесс переселения татар-мишарей в Закамье подробно исследован в работах Д. З. Хайретдинова [3], Р. Г. Насырова [4], У. Х. Рахматуллина [5], Д. М. Исхакова [6] и др. Основной причиной переселения татар-мишарей

на башкирские земли, а затем в Степной край авторы, пишущие на данную тему, отмечают политику экономической и духовной дискриминации, проводимую православной церковью и властью с XVII в. вплоть до 60-х гг. XVIII в. В связи с этим особо хочется отметить законы, касающиеся статуса и положения служилых татар. Как известно, в 1628 г. вышел указ, запрещающий татарским феодалам владеть крепостными крестьянами из числа православных, а в 1648 г. объявили о том, что владеть крепостными крестьянами могут только крещеные помещики. «Именно мещерские служилые люди (мурзы и татары) стали объектами главного внимания правительства и патриархии в их планах по дальнейшей христианизации мусульман», – отмечает С. Ф. Фаизов [7, с. 22]. Все это подталкивало служилых татар искать новые земли для переселения.

Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и инициативу государства. Известно, что в декабре 1735 г. в своем «Рассуждении», представленном в Кабинет министров, глава Оренбургской комиссии И. К. Кирилов писал: «Мещеряки, служилыя татара по указом из других городов с начала Уфы и после накликаны и определены служить по Уфе», т.е. были приглашены уфимской администрацией для несения службы [8, с. 96].

Р. Г. Насыров указывает, что самыми первыми стали переселяться в Закамье выходцы из Алатырского уезда [4, с. 55]. Это переселение совпало с тем, что с 1732 по 1736 г. от Алексеевской крепости до Мензелинска строилась Новая Закамская черта. Дореволюционный автор М. И. Иванин в работе «Описание Закамских линий» (1851 г.) упоминает, что при строительстве крепости Сергиевск были задействованы служилые татары из Алатыря [9, с. 71]. Именно в это время крупные центры в Мешере, выставявшие для русских войск десятки тысяч сабель конницы, такие как Касимов, Карино, Темников, Шацк, приходят в упадок и татарское население там заметно сокращается.

Выбору Закамских земель для переселения способствовало также то, что башкиры присоединились к Московской Руси добровольно, а договоры, заключенные башкирской знатью с правительством Ивана Грозного, предусматривали наряду с сохранением вотчинного землевладения неприкосновенность мусульманской веры [8, с. 53].

По подсчетам Д. М. Исхакова, за 1719–1745 гг. в Приуралье численность казанских татар и мишарей увеличилась в три раза и достигла 64 тыс. человек [10, с. 278]. По мнению Л. М. Айнутдиновой, всего в 1719–1744 гг. в Приуралье переселилось около 50 тыс. татар, из них около 30 тыс. составляли казанские татары, около 20 тыс. татары-мишари из Касимовского, Кадомского, Шацкого, Саранского, Керенского, Инсарского, Темниковского, Пензенского уездов. К 1762 г. татар в Оренбуржье уже было 87 884 человека [11, с. 250].

Переброска служилых мишарей в Закамский регион была также связана с ослаблением и уходом с этих территорий ногайцев. Как правило, новые поселения возникали на месте так называемых «пустошей» – населенных мест, прекративших свое существование в ходе завоевания Казанского ханства и Ногайской орды.

Одной из первых групп татар-мишарей, сформировавшихся на данной территории, является уфимско-бирская, происходившая из Алатырского, Курмышского и Арзамасского уездов. Известно, что еще в 1680 г. в Уфе была

сформирована сотня служилых татар и мещеряков со служилыми окладами [12, л. 128]. Это так называемые «чокающие мишари» [13], на основе данного говора в Оренбуржье в дальнейшем сформировался «шарлыкский говор мишарского диалекта» [14, с. 170]. Алатырская подгруппа основала свои поселения по обоим берегам р. Белой. Это современные Бирский, Караидельский и Мишенский районы Башкортостана [15, с. 5].

Темниковская подгруппа (чокающий говор) в основном проживала на юго-западе и западе Башкирии, в Альшеевской, Нигаметуллинской, Киргиз-Миякинской, Тюрюшевской, Казангаловской волостях Белебеевского уезда, а также Арабаевской, Сафоновской, Покровской, Янышевской, Шарыповской волостях Уфимского уезда. Как отмечает Д. З. Хайретдинов, на территории Стерлитамакского уезда, ныне составляющего центральную часть Башкортостана, мещеряки проживали более чем в 60 селах, многие из которых были ими основаны [16, с. 182].

Теоретико-методологической основой статьи стали концептуальные положения научных исследований в области изучения проблем политики государства по отношению к различным сословиям нерусских народов на национальных окраинах Российской империи.

В данном исследовании применяется в основном два метода исторического познания: историко-генетический, в котором рассматривается любой исторический факт в его динамике и связи со специфическими особенностями каждого явления и обуславливающих его факторов, и проблемно-хронологический подход, который позволяет нам вычленивать различные аспекты межэтнических взаимоотношений и рассмотреть их в хронологической последовательности.

Одна из первых работ по тематике данного исследования вышла в советский период на татарском языке. Она принадлежит казахстанскому ученому татарского происхождения, доктору исторических наук Вилю Зайнулловичу Галиеву. В 1975 г. у него вышла статья на татарском языке «Талмачлар, сәяхәтчеләр, дипломатлар» («Переводчики, путешественники, дипломаты») в журнале «Казан утлары» («Огни Казани») [17, с. 148–152]. В ней впервые вводится в научный оборот довольно обширный материал из Центрального государственного архива Республики Казахстан, с помощью которого показывается дипломатическая, канцелярская, торгово-посредническая деятельность служилых татар как в Оренбуржье, так и в Казахской степи.

Изучение роли служилых татар при администрации Оренбургской пограничной комиссии – тема, в основном поднятая в постсоветский период. Данная тема нашла отражение в работах современной казахстанской исследовательницы Г. С. Султангалиевой [18, с. 64–65; 19], башкирского исследователя И. С. Игдавлетова [20], историка из Омска И. А. Речкиной [21], молодого уфимского исследователя М. Р. Мухамедова [22] и др. В последнее время проявился интерес к изучению деятельности служилых татар-мишарей на южном Урале, что нашло отражение в работах Р. Р. Кильмаматова и Ф. Ф. Шаяхметова [23].

У. Х. Рахматуллин замечает, что прибывшая в Закамский регион группа служилых татар из числа мишарей попадала в распоряжение уфимских воевод. «Она постепенно переселилась на территорию Уфимского уезда и была подвластна воеводам Уфимской приказной избы» [5, с. 146]. В делопроизвод-

ственных документах они стали именоваться «уфимскими служилыми мещеряками». Особенностью их службы было то, что они, за редким исключением, наделялись поместьями, выделяемыми из казенной земли. Безусловно, служилые татары пытались добиться земли за службу, но им в этом отказывали. Им ничего не оставалось делать, как стать припущенниками башкир. У. Х. Рахматуллин отмечает: «В 1767 г. припущенников из служилых татар и мишарей насчитывалось 2253 двора. С 1916 дворов служилых татар и мишарей башкиры взымали ежегодно по 268 руб. 51 коп. припускных оброков» [5, с. 148]. Кроме того, в 1699 и 1718 гг. государство с них взымало денежный сбор, так как они в эти годы не привлекались к военной службе [24, с. 72].

Татарские мусульманские воинские формирования, созданные из числа служилых татар-мишарей, на Урале использовались в ходе подавления башкирского восстания 1735–1740 гг. Служилые мишари были заинтересованы в этом процессе, поскольку власть давала им за это земли, на которые их «припустили» башкиры, в вотчинное и поместное владение [25, с. 216]. Данное решение властей отразилось в документе за 24 ноября 1735 г. «Доношение А. И. Румянцева в Кабинет о ссорах между “верными” и участвовавшими в восстании башкирами и о решениях своего совещания с И. К. Кириловым об окончательном приведении их в покорность». В разгар восстания, «когда здесь полки в состоянии готовности будут», А. И. Румянцев предлагает взбунтовавшимся башкирам «объявить, дабы они довольствовались своими землями, а с тептерей и бобылей и мещеряков за земли деньги не требовали, понеже как они, так и протчие такие ж подданные е. и. в. И тогда вышеупомянутые тептяри и бобыли и мещеряки, видя е. и. в. милость и от них свободу, весьма в верности пребудут и от них отведены будут» [8, с. 93]. В ходе подавления восстания вышел указ от 11 февраля 1736 г., адресованный генерал-лейтенанту Румянцеву и Статскому советнику Кирилову, который повелевал отделить служилых мещеряков от башкир и «за верность мещеряков», поскольку они не пристали к восстанию и «против их служили, земли и угоды те, кои они по найму у башкирцев владели... те дать им вечно безоброчно, указанные дачи, первому старшине 200, есаулам, писарю, сотникам по 100, рядовым 50 четвертей, и за претерпевший убыток от воров башкирцев обещать вознаграждение» [26, с. 742]. Вместе с тем после окончания башкирского восстания власть не спешила реализовывать данный указ на практике. Мишари лишь 6 деревень – Чишмы, Калмаш, Сафарово, Нижние и Верхние Термы, Теперишево – получили желаемое. Губернатор Путятин боялся вооруженного выступления потомков башкир, если бы эти земли отдали татарам-мишарям бесплатно, отняв их у башкир. Поскольку мишари крайне нуждались в землях, губернатор предложил отдать им их без оброка, а башкирам «за отчуждение их земель компенсировать казенными деньгами в сумме 5 тыс. руб.» [27, с. 93].

Из наказа казанскому губернатору Румянцеву и статскому советнику И. А. Кирилову о мерах ликвидации восстания того же времени мы узнаем, что служилые мишари, участвовавшие в подавлении восстаний, освобождались от подушной подати и от лашманской работы [28, с. 408]. За разгром восстаний Карасакала, Батырши и Юлаева были награждены мещеряцкие старшины: Яныш Абдуллин, Сулейман Диваев, Султанмурат Янышев (первый капитан из мишарей), Бахтияр Янышев [3, с. 180].

Льготы, полученные мишарями, были привлекательны и для других категорий служилых татар. Многие служилые люди из числа казанских татар хотели записаться в число казаков, особенно те, кто стоял на лашманской службе. Об этом нижайше просили императора Павла I ясачные татары станицы Ильинской и д. Зубочистки. «Они готовы были служить даже без жалования», – отмечает И. К. Загидуллин [29, с. 112]. Однако генерал-губернатор О. А. Игельстром считал такие прошения как желание избежать исполнения государственных податей и повинностей и старался отказать просителям.

Однако из работы Г. Х. Самигулова узнаем, что башкиры отомстили служилым татарам и мещерякам за участие в подавлении восстания и перебили всех, кто жил по рекам Юрюзань и Аю. Закамские мещеряки просили власть, чтобы в случае нападения башкир переселиться ближе к русским крепостям, но власти им в этом отказали [30, с. 74].

После подавления восстания 1735–1740 гг. власть более лояльно стала относиться к служилым татарам из числа мишарей. Они зарекомендовали себя как верные власти служилые люди как на военном, так и на дипломатическом поприще. Именно из их числа выбирались ахуны в башкирские даруги, полковые муллы в башкиро-мещерякское войско, муллы и письмоводители к казахской знати, в переводчики и толмачи при Оренбургской и Томской администрации.

О мишарском происхождении большого количества татарского служилого сословия на Урале и Казахской степи написал известный дореволюционный татарский историк Гайнетдин Ахмеров: «Мишарские мурзы Уфимской губернии (Еникеевы, Терегуловы, Муратовы, Мамлеевы, Бегловы и князья Сакаевы, Чанышевы, Кудашевы и др.), живущие в деревнях Каргале, Авзанове, Буздяке, Кузееве, Альменеве и др., происходят от татарских князей, и переселились из Темникова Тамбовской губернии, где имели своих крепостных людей. В Уфимской губернии эти мурзы известны под именем Томан, каким именем называется и г. Темников» [31, с. 147].

Участие совместно с башкирами в восстании Батырши (1755 г.) казанских татар и мишарей, которое носило антиколониальный и религиозный характер, приводит к решению властей ограничить переселение татар в край. Этому решению властей также способствовало усиление татарского торгового капитала в крае и фактический отказ «признать сеитовских татар частью российского купеческого сословия» [32, с. 39]. В сенатском указе от 21 июля 1765 г. говорилось: «Впредь... из казанских и астраханских татар ни под каким видом на поселение в Оренбургскую губернию не принимать; ежели же... какие там без указа поселяться, о таковых в Сенат прислать немедленно точные известия и кем они приняты» [10, с. 279]. Несмотря на ограничения переселения, за 1762–1857 гг. татарское население в Оренбургском крае увеличилось в 5,3 раза [33, с. 41].

Единственным выходом из этой ситуации было использование служилых татар, в первую очередь из числа мишарей и башкир, в иррегулярных воинских формированиях. Указом Екатерины II от 18 апреля 1790 г. было положено начало созданию башкиро-мещерякского войска. Как и башкиры, мишари были переведены в военное сословие. Им вменялось в обязанность ежегодно на каждые 4–5 дворов поставлять за свой счет вооруженного

конного воина. За это башкиры и мишари освобождались от всех земских повинностей, но лишались права передвижения.

Казаков башкиро-мещеряцкого войска власть использовала как посредников во взаимоотношениях казахов с русской администрацией края. Казаки-мусульмане вместе с указными муллами вели разъяснительную работу в степи во время введения «Устава о сибирских киргизах» и «Устава об управлении инородцев» (1822 г.), а также «Временного положения» (1868 г.). Именно они приводили недовольное казахское население к присяге на верность империи. Из числа казаков башкиро-мещеряцкого войска рекомендовались чиновники в Казахскую степь на занятие таких должностей, как переводчики, конфиденты, толмачи, приставы, письмоводители. Казахская знать понимала, что служилые татары были хорошо образованы, и просили прислать в степь именно их. В частности, хан Внутренней орды Джангир в 1837 г. обращался к военному оренбургскому губернатору В. А. Перовскому с просьбой заменить случайных малограмотных людей, попадавших на должность письмоводителей, на людей «бессменных... из Башкирского и Мещеряцкого войска, с добропорядочным поведением, знающих хорошо читать по-татарски, к каждому родоначальнику по одному, зачислив их в дистанционную службу, но не полагая им казенного жалования» [34, л. 3]. Действительно, изучение послужных списков показывает, что из казаков происходил письмоводитель султана Младшего жуза Т. Вралина – Х. Алькеев, среди чиновников, управляющих Средним жузом, обнаружены имена зауряд-хорунжего Гиматдина Кильдибекова, урядника Кутлы – Ахмеда Касмакова, Мухамеджана Субханкулова [35, с. 142]. У хана Средней Орды Аблая письмоводителями работали мишари Мунасиб Мамбетов и Ягуда Усманов [36, с. 81].

Государственную службу татарские чиновники старались не терять. С XVIII в. по первую половину XIX в. фамилии на должностях переводчиков и толмачей в Оренбургской администрации практически не меняются, меняются только поколения. Это потомственные или личные дворяне, в основном из татар-мишарей: Бигловы (Биглов Салих Рахматуллович, Биглов Мухамед-Рахим Рахматуллович), Батыршины (Батыршин Искандер Алюкович, Батыршин Сулейман Алюкович), Бекчурины (Бекчурин Мендияр, Бекчурин Мирсалих, Бекчурин Мухаммад-Гирей), Бикмаевы (Бикмаев Ибниамин Магомедович, Бикмаев Гайса Мухаметович, Бикмаев Кутлу-Мухаммад Ибниаминович), Еникеевы (Еникеев Юнус Сулейманович, Еникеев Ишнияз Юнусович, Еникеев Мухамед-Гирей, Еникеев Султан-Гали, Еникеев Тимур-Блат, Еникеев Нигметжан), Субханкуловы (Субханкулов Фейзулла, Субханкулов Абдул-Кадыр Фейзуллаевич), Чанышевы (Чанышев Мухаммадрахим, Чанышев Асфандияр, Чанышев Сахиб-Гирей, Чанышев Рахматулла). Их происхождение на момент первой половины XIX в. хорошо охарактеризовала Г. С. Султангалиева: Салих Биглов и Мирсалих Бекчурин происходили из мурз, Мухамед-рахим Чанышев носил титул князя, Мухаммад-Шариф Аитов, Искандер и Сулейман Батыршины, Кутлумухаммад Бикмаев, Абдулкадыр Субханкулов, Арсланбек Биглов были из дворян Оренбургской губернии [19, с. 351].

Деятельность их была многогранной и сложной. Занимая от 14 по 8 чин табели о рангах, они фактически выполняли всю «низовую» работу по налаживанию мирных отношений власти с казахским народом. Деятельность

их включала в себя сбор сведений о расположении кочевых аулов в степи, о настроениях казахской знати, о посещении казахских аулов агентами Османской империи, Хивы, Бухары и других государств. Они выступали арбитрами в конфликтных ситуациях при разрешении земельных споров между казаками и казахами, а также между казахскими родами, проводили ревизии по уплате «кибиточного сбора», добывали сведения о русских пленных, освобождали рабов. На них налагалась обязанность переводить в подданство казахов и брать с них присягу на верность Российской империи. Они сопровождали все российские военно-разведывательные экспедиции в регионе, нередко выполняли дипломатические функции. Выступали экспертами при создании новых административных структур в степи. Они должны были переводить и разъяснять общеимперские законы в юридическую плоскость и лексику политической культуры казахского народа, и прежде всего знати. Они являлись примером успешной инкорпорации для казахской аристократии в политическую систему Российской империи.

В заключение хочу подчеркнуть, что в наши дни во время переписи населения в Башкирии есть тенденция переписывать татарское население Северо-Западных регионов республики в башкир с отсылкой к документам XVIII–XIX в., где население данных областей могло называться башкирами. Хочу напомнить, что в XVIII–XIX вв. термин «башкиры» в государственной делопроизводственной документации употреблялся в социальном значении для обозначения военно-служилого сословия, главной обязанностью которого было несение нерегулярной форпостной службы. Безусловно, основу данного сословия составляли башкиры, но стоит согласиться с Д. Н. Денисовым, который утверждает, что в 1798–1865 гг. по распоряжению военных властей в число «башкир» включались целые деревни с небашкирским населением, «например, значительная часть жителей Сеитовой (Каргалинской) слободы и ее выселков, деревень Верхние и Нижние Чебеньки, Зяк Ишметово, Айдаралино, Тятер-Арасланово, Аширганово, Балыклы, Нижне-Ибраево, Стерлибашево, ногайцы Воздвиженской крепости, Желтого и Никитинского редутов, Кундровской слободы, мишары деревень Мусекаево, Большая Ока и другие. Все эти населенные пункты становились и частью кантонной системы управления со всеми соответствующими институтами. Их жители назывались в документах того времени только “башкирами”, поскольку для сословного государства имела значение не их этническая принадлежность, а лишь совокупность определенных прав и обязанностей» [36, с. 79–80]. Таким образом, в число башкир как сословие попадали мишари, как «темниковцы», так и «алаторцы», но данный термин обозначал не их этническую принадлежность, а их сословие.

Список литературы

1. Кадыров Р. В. Формирование социально-правового статуса служилых татар в русском государстве (XVI – середина XVII вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2019. 286 с.
2. Габдуллин И. Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М. : Изд. Р. Ш. Кудашев, 2006. 320 с.
3. Хайретдинов Д. З. «Великий исход»: процессы массового переселения нижегородских татар-мишарей в XVII–XVIII вв. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 180–183.

4. Насыров Р. Г. Сельское расселение в Западном Закамье (вторая половина XVI – начало XVIII вв.). Казань : Институт истории АНРТ, 2007. 240 с.
5. Рахматуллин У. Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М. : Наука, 1988. 188 с.
6. Исхаков Д. М. Историческая демография татарского народа (XVIII – начало XX вв.). Казань : Фэн, 2014. 440 с.
7. Фаизов С. Ф. Ислам в Поволжье VIII–XX вв. Очерк истории. М. : Спутник+, 1999. 76 с.
8. Материалы по истории Башкортостана : в 6 т. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / сост. Н. Ф. Демидова ; под ред. Н. В. Устюгова. Уфа : Китап, 2002. 768 с.
9. Иванин М. И. Описание Закамских линий // Вестник императорского Русского географического общества. 1851. Кн. 1, ч. 1. С. 55–81.
10. Исхаков Д. М. Динамика численности татар в России в XVIII – начале XX вв. // Материалы по истории татарского народа : сб. тр. / отв. ред. С. Х. Алишев. Казань : ИЯЛИ, 1995. С. 257–297.
11. Айнутдинова Л. М. Миграция татар // Татары Казахстана. Краткая иллюстрированная энциклопедия. Казань : Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2017. С. 250.
12. Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Оп. 1. Д. 115.
13. Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Казань : Дом печати, 2002. 248 с.
14. Рахматуллина Г. Г. Говоры оренбургских татар // Татары в Оренбургском крае : материалы науч.-практ. конф. Оренбург : Димур, 1997. 228 с.
15. Ахатов Г. Х. Мишарский диалект татарского языка : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Уфа : Башк. ун-т, 1980. 81 с.
16. Хайретдинов Д. З. «Великий исход»: процессы массового переселения нижегородских татар-мишарей в XVII–XVIII вв. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 180–183.
17. Галиев В. З. Талмачлар, Сәяхәтчеләр, дипломатлар // Казан утлары. 1975. № 1. С. 148–152.
18. Султангалиева Г. С. Татарские муллы и письмоводители в Казахской степи (XVIII – первая половина XIX в.) : монография в документах / под ред. И. Г. Гумерова, А. М. Ахунова. Казань : ИЯЛИ, 2023. 300 с.
19. Султангалиева Г. С. Татары в административном управлении Казахстана (первая половина XIX в.) // История татар : в 7 т. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2013. С. 351–357.
20. Игдавлетов И. С. Отчет о поездке конфидента Абзялила Рязиева в Бухару в 1789–1790 гг. // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 354–356.
21. Речкина И. А. Мусульманская политика российских властей в Казахской Степи (конец XVIII в. – 60-е гг. XIX в.) // Вестник Омского университета. 2006. № 2. С. 80–84.
22. Мухамедов М. Р. Карьерный путь мусульманского чиновника Оренбургской губернии в конце XVIII – первой трети XIX в. // Мусульманин на службе Российской империи (к 200-летию Мирсалиха Бекчурина) : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 28 мая 2020 г.). Уфа : Мир печати, 2020. С. 135–147.
23. Кильмаматов Р. Р., Шаяхметов Ф. Ф. Инкорпорация служилой элиты мишарей Южного Урала в структуру российского дворянства в XVIII–XIX вв. // Мусульманин на службе Российской империи (к 200-летию Мирсалиха Бекчурина) : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 28 мая 2020 г.). Уфа : Мир печати, 2020. С. 172–182.
24. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург : Оренбург. отд. Рус. геогр. о-ва, 1887. 406 с.

25. Фирсов Н. А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация Закамских земель в это время. Казань : Университетская тип., 1869. 445 с.
26. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г. : в 50 т. Т. IX. 1733–1736 гг. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 6890. С. 742.
27. Асфандиаров А. З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа : Китап, 2006. 504 с.
28. Из наказа казанскому губернатору Румянцеву и статскому советнику И. А. Кирилову о мерах ликвидации восстания 11 февраля 1736 г. // История Татарии в документах и материалах. М., 1937. 503 с.
29. Загидуллин И. К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 452 с.
30. Самигулов Г. Х. Некоторые сведения о расселении мишарей и ясашных татар в Зауральской Башкирии в XVIII в. // Мир Евразии. 2010. № 3 (10). С. 73–76.
31. Ахмеров Г. О языке и народности мишарей // Избранные труды. Казань : Татарское книжное издательство, 1998. 237 с.
32. Шадиметова З. М., Гатин А. А., Гатин М. С., Мустафина Д. А., Фахрутдинов Р. Р. Татары-мусульмане Оренбурга в российской торговле со Средней Азией во вторую половину XVIII в. // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2018. № 38 (3-4). С. 39–45.
33. Султангалиева Г. С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). Уфа : РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002. 258 с.
34. Центральный государственный архив республики Казахстан. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1609.
35. Аминов Р. Татары-казаки в составе оренбургского казачьего войска. Казань : Институт истории им. Марджани АН РТ, 2017. 346 с.
36. Денисов Д. Н. История заселения и этнокультурное развитие татар Оренбургского края (XVIII – начало XX вв.). Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2006. 190 с.

References

1. Kadyrov R.V. *Formation of the socio-legal status of service Tatars in the Russian state (16th – middle 17th centuries): PhD dissertation.* Kazan, 2019:286. (In Russ.)
2. Gabdullin I.R. *Ot sluzhilykh tatar k tatarskomu dvoryanstvu = From service Tatars to the Tatar nobility.* Moscow: Izd. R.Sh. Ku-dashev, 2006:320. (In Russ.)
3. Khayretdinov D.Z. “The Great Exodus”: the processes of mass resettlement of the Nizhny Rod Tatars-Mishars in the 17th–18th centuries. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development.* 2015;(20):180–183. (In Russ.)
4. Nasyrov R.G. *Sel'skoe rasselenie v Zapadnom Zakam'e (vtoraya polovina XVI – nachalo XVIII vv.) = Rural settlement in the Western Trans-Kama region (second half of the 16th – beginning of the 17th centuries).* Kazan: Institut istorii ANRT, 2007:240. (In Russ.)
5. Rakhmatullin U.Kh. *Naselenie Bashkirii v XVII–XVIII vv. Voprosy formirovaniya ne-bashkirskogo naseleniya = Population of Bashkiria in the 17th–18th centuries. Issues of formation of the non-Bashkir population.* Moscow: Nauka, 1988:188. (In Russ.)
6. Iskhakov D.M. *Istoricheskaya demografiya tatarskogo naroda (XVIII – nachalo XX vv.) = Historical demography of the Tatar people (18th – early 20th centuries).* Kazan: Fen, 2014:440. (In Russ.)
7. Faizov S.F. *Islam v Povolzh'e VIII–XX vv. Ocherk istorii = Islam in the Volga Region of the 8th – 20th centuries. An essay on history.* Moscow: Sputnik+, 1999:76. (In Russ.)
8. Demidova N.F. (comp.), Ustyugov N.V. (ed.). *Materialy po istorii Bashkortostana: v 6 t. T. 6. Orenburgskaya ekspeditsiya i bashkirskie vosstaniya 30-kh godov XVIII v. = Materials on the history of Bashkortostan: in 6 volumes. Volume 6. Orenburg expedition and Bashkir uprisings of the 30s of the 18th century.* Ufa: Kitap, 2002:768. (In Russ.)

9. Ivanin M.I. Description of the Zakamsky lines. *Vestnik imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva = Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society*. 1851;(bk. 1, part 1):55–81. (In Russ.)
10. Iskhakov D.M. Dynamics of the number of Tatars in Russia in the 17th – early 20th centuries. *Materialy po istorii tatarskogo naroda: sb. tr. = Materials on the history of the Tatar people: collected papers*. Kazan: IYaLI, 1995:257–297. (In Russ.)
11. Aynutdinova L.M. Migration of the Tatars. *Tatary Kazakhstana. Kratkaya illyustrirvannaya entsiklopediya = Tatars of Kazakhstan. Brief illustrated encyclopedia*. Kazan: Institut tatarskoy entsiklopedii i regionovedeniya AN RT, 2017:250. (In Russ.)
12. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 248. Op. 1. D. 115 = Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 248. Item 1. File 115*. (In Russ.)
13. *Etnoterritorial'nye gruppy tatar Povolzh'ya i Urala i voprosy ikh formirovaniya = Ethnoterritorial groups of Tatars of the Volga and Ural regions and issues of their formation*. Kazan: Dom pechati, 2002:248. (In Russ.)
14. Rakhmatullina G.G. Speech of Orenburg Tatars. *Tatary v Orenburgskom krae: materialy nauch.-prakt. konf. = Tatars in Orenburg region: collected articles*. Orenburg: Dimur, 1997:228. (In Russ.)
15. Akhatov G.Kh. *Misharskiy dialekt tatarskogo yazyka: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. Zavedeniy = Mishar dialect of the Tatar language: a teaching aid for students of higher educational institutions*. Ufa: Bashk. un-t, 1980:81. (In Russ.)
16. Khayretidinov D.Z. “The Great Exodus”: the processes of mass resettlement of the Nizhny Rod Tatars-Mishars in the 17th – 18th centuries. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2015;(20):180–183. (In Russ.)
17. Galiev V.Z. Talmachlar, Səyakhətchelər, diplomatlar. *Kazan utlary*. 1975;(1):148–152.
18. Sultangalieva G.S. *Tatarskie mully i pis'movoditeli v Kazakhskoy stepi (XVIII – pervaya polovina XIX v.): monografiya v dokumentakh = Tatar Mullahs and Clerks in the Kazakh Steppe (18th – first half of the 19th century): monograph in documents*. Kazan: IYaLI, 2023:300. (In Russ.)
19. Sultangalieva G.S. Tatars in the administrative governance of Kazakhstan (first half of the 19th century). *Istoriya tatar: v 7 t. T. VI. Formirovanie tatarskoy natsii. XIX – nachalo XX v. = History of the Tatars: in 7 volumes. Volume 6. Formation of the Tatar nation. The 19th – early 20th century*. Kazan: In-t istorii AN RT, 2013:351–357. (In Russ.)
20. Igdavletov I.S. Report on the trip of confidant Abzialil Ryaziev to Bukhara in 1789–1790. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2012;(12):354–356. (In Russ.)
21. Rechkina I.A. Muslim policy of the Russian authorities in the Kazakh Steppe (late 18th century – 1960s). *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of Omsk University*. 2006;(2):80–84. (In Russ.)
22. Mukhamedov M.R. The career path of a Muslim official of the Orenburg province in the late 18th – first third of the 19th century. *Musul'manin na sluzhbe Rossiyskoy imperii (k 200-letiyu Mirsalikha Bekchurina): sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Ufa, 28 maya 2020 g.) = A Muslim in the service of the Russian Empire (to the 200th anniversary of Mirsalikh Bekchurin): proceedings of the International scientific and practical conference (Ufa, May 2020)*. Ufa: Mir pechati, 2020:135–147. (In Russ.)
23. Kil'mamatov R.R., Shayakhmetov F.F. Incorporation of the service elite of the Mishars of the Southern Urals into the structure of the Russian nobility in the 18th – 19th centuries. *Musul'manin na sluzhbe Rossiyskoy imperii (k 200-letiyu Mirsalikha Bekchurina): sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Ufa, 28 maya 2020 g.) = A Muslim in the service of the Russian Empire (to the 200th anniversary of Mirsalikh Bekchurin): proceedings of the International scientific and practical conference (Ufa, May 2020)*. Ufa: Mir pechati, 2020:172–182. (In Russ.)
24. Rychkov P.I. *Topografiya Orenburgskoy gubernii = Topography of Orenburg province*. Orenburg: Orenburg. otd. Rus. geogr. o-va, 1887:406. (In Russ.)

25. Firsov N.A. *Inorodcheskoe naselenie prezhnego Kazanskogo tsarstva v novoy Rossii do 1762 goda i kolonizatsiya Zakamskikh zemel' v eto vremya = The foreign population of the former Kazan kingdom in the new Russia before 1762 and the colonization of the Trans-Kama lands at this time*. Kazan: Universitetskaya tip., 1869:445. (In Russ.)
26. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe. S 1649 po 12 dekabrya 1825 g.: v 50 t. T. IX. 1733–1736 gg. = Complete collection of laws of the Russian Empire. First collection. From 1649 to December 12, 1825: in 50 volumes. Volume 9. 1733–1736*. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830;(6890):742. (In Russ.)
27. Asfandiarov A.Z. *Bashkiriya posle vkhozheniya v sostav Rossii (vtoraya polovina XVI – pervaya polovina XIX v.) = Bashkiria after joining Russia (second half of the 16th – first half of the 19th century)*. Ufa: Kitap, 2006:504. (In Russ.)
28. From the order to the Kazan Governor Rummyantsev and State Councilor I. A. Kirilov on measures to eliminate the uprising of February 11, 1736. *Istoriya Tatarii v dokumentakh i materialakh = History of Tataria in documents and materials*. Moscow, 1937:503. (In Russ.)
29. Zagidullin I.K. *Musul'manskoe bogoslužhenie v uchrezhdeniyakh Rossiyskoy imperii = Muslim worship in the institutions of the Russian Empire*. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2006:452. (In Russ.)
30. Samigulov G.Kh. Some information about the settlement of the Mishars and Yasash Tatars in Trans-Ural Bashkiria in the 18th century. *Mir Evrazii = World of Eurasia*. 2010;(3):73–76. (In Russ.)
31. Akhmerov G. About the language and people of the Mishars. *Izbrannye trudy = Selected works*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1998:237. (In Russ.)
32. Shadimetova Z.M., Gatin A.A., Gatin M.S., Mustafina D.A., Fakhrutdinov R.R. Muslim Tatars of Orenburg in Russian trade with Central Asia in the second half of the 18th century. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete = Proceedings of the society of archaeology, history and ethnography in Kazan University*. 2018;(38 (3-4)):39–45. (In Russ.)
33. Sultangalieva G.S. *Zapadnyy Kazakhstan v sisteme etnokul'turnykh kontaktov (XVIII – nachalo XX vv.) = Western Kazakhstan in the system of ethnocultural contacts (the 18th – early 20th centuries)*. Ufa: RIO RUNMTs Goskomnauki RB, 2002:258. (In Russ.)
34. *Tsentrallyy gosudarstvennyy arkhiv respubliki Kazakhstan. F. 4. Op. 1. D. 1609 = Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. Fund 4. Item 1. File 1609*. (In Russ.)
35. Aminov R. *Tatary-kazaki v sostave orenburgskogo kazach'ego voyska = Tatar Cossacks as part of the Orenburg Cossack army*. Kazan: Institut istorii im. Mardzhani AN RT, 2017:346. (In Russ.)
36. Denisov D.N. *Istoriya zaseleniya i etnokul'turnoe razvitiye tatar Orenburgskogo kraya (XVIII – nachalo XX vv.) = History of settlement and ethnocultural development of the Tatars of the Orenburg region (the 18th – early 20th centuries)*. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU, 2006:190. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

**Дилъра Шамилевна
Муфтахутдинова**

кандидат исторических наук, доцент
кафедры теологии, Российский
исламский институт (Россия,
Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Газовая, 19)

E-mail: dilaratatar@mail.ru

Dilyara Sh. Muftakhutdinova

Candidate of historical sciences,
associate professor of the sub-department
of theology, Russian Islamic Institute
(19 Gazovaya street, Kazan, Republic
of Tatarstan, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 24.09.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 21.11.2024

Принята к публикации / Accepted 25.03.2025